

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И В. А. ОБРУЧЕВ – ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ 150 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ ГЕОЛОГИИ. Ч. I. ПОДДАННЫЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В. Ф. Свиньин

Дается краткое сравнительное описание жизненного пути и научной деятельности двух выдающихся российских ученых-геологов XIX–XX вв. В. И. Вернадского и В. А. Обручева. Ровесники по рождению, они шли в науке каждый своим путем, тем не менее определенные профессиональные и личные связи между ними, безусловно, существовали. В таком ракурсе биографии этих академиков еще не рассматривались. Между тем подобный анализ может дать основания для некоторых интересных выводов об истории становления российской геологической науки. В первой части статьи рассматривается досоветский период жизни и творчества ученых.

Ключевые слова: Вернадский, Обручев, история геологии, геохимия, геология Сибири, Томский технологический институт, Таврический университет.

V. I. VERNADSKY AND V. A. OBRUCHEV: TWO PERSONS IN THE 150-YEAR HISTORY OF THE RUSSIAN GEOLOGY. Pt I. CITIZENS OF THE RUSSIAN EMPIRE

V. F. Svinin

The paper briefly compares the lives and careers of two outstanding Russian geologists of the 19-20th centuries – V.I. Vernadsky and V.A. Obruchev. They both followed their own path, despite being peers and connected in professional and personal ways. The biographies of these two academicians have never been considered from this viewpoint. Meanwhile, such analysis may result in some interesting conclusions about the development of the Russian geological science. The first part considers the pre-Soviet period of the scientists' life and research activity.

Keywords: Vernadsky, Obruchev, history of geology, geochemistry, geology of Siberia, Tomsk Technological Institute, Taurida University.

1863–1900

В российском историко-геологическом календаре на 2013 г. приходится два серьезных юбилея: в марте – Владимира Ивановича Вернадского, в сентябре – Владимира Афанасьевича Обручева. Оба геолога-академика родились в 1863 г., и сейчас мы отмечаем 150 лет со времени этих значимых для отечественной геологии событий.

Два года назад широко отмечался 300-летний юбилей М. В. Ломоносова – в том числе и как первого русского геолога. А еще десятилетием раньше – 300 лет российской горно-геологической службы. Близость дат и кратность цифр побуждают задаться вопросом: а не кроется ли за этой исторической арифметикой нечто более содержательное? Вряд ли есть основания серьезно утверждать, что именно с 1863 г. начался какой-то новый этап в истории российской геологии. Тем не менее стоит отметить, помимо двух уже упомянутых, еще некоторые события этого года, значимые с историко-геологической точки зрения.

• В «Горном журнале», издававшемся Ученым комитетом Корпуса горных инженеров, появилась статья профессора института этого корпуса (ИКГИ – вскоре он станет просто Горным институтом) Г. П. Гельмерсена под названием

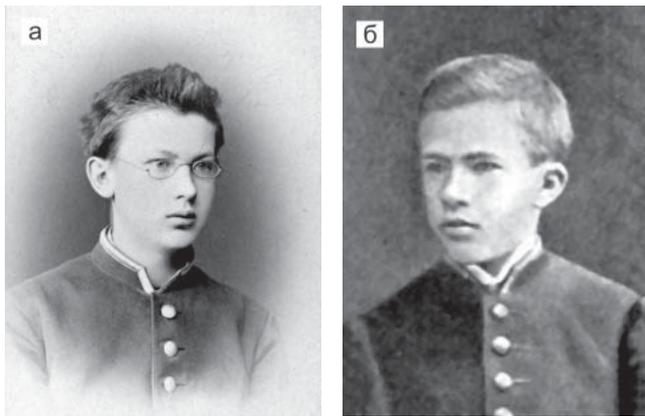
ФГУП «СНИИГГИМС» (Новосибирск)

«Современное состояние геологии в России». Слово «геология» в качестве названия научной дисциплины до этого довольно редко использовалось в официальных бумагах и даже в учебных курсах, чаще употреблялись термины «минералогия» и «геогнозия». В статье впервые было высказано предложение о создании в стране государственного геологического учреждения. Это положило начало длительному процессу бюрократических процедур и согласований, приведшему к образованию в 1881 г. в Санкт-Петербурге Геологического комитета.

• Среди нескольких тысяч участников подавленного Польского вооруженного восстания в сибирскую ссылку отправился 18-летний недоучившийся студент Иван Черский. О его национальности спорят биографы трех стран: Польши, Литвы и Белоруссии, но гораздо важнее, что ссылка превратила его в известного русского ученого, исследователя Сибири – географа и геолога.

• После окончания Санкт-Петербургского университета туда же, в Сибирь, вернулись страстные патриоты этого края и его будущие неутомимые исследователи Григорий Потанин и Николай Ядринцев.

• Новый университетский устав, утвержденный Александром II, дал университетам автономию. Одно из следствий – появление новых и ре-

Рис. 1. Школьные годы мальчиков из культурных семей: гимназист Володя Вернадский (а) и реалист Володя Обручев (б)

организация старых кафедр, в том числе геологического профиля. Геология как наука «о слоях земных», постепенно отделялась от геогнозии как теоретической основы горного дела. В 1884 г. этот устав отменили.

Так что 1863 г. вполне можно принять за некую значимую точку отсчета не только в биографии наших юбиляров. За первые 50 лет от этой точки, то есть за период 1863–1913 гг. российская геология прочно вошла в контекст мирового естествознания – трудами Г. П. Гельмерсена, А. П. Карпинского, Ф. Н. Чернышева, В. И. Мушкетова, А. П. Павлова. И, разумеется, В. И. Вернадского и В. А. Обручева – двух, на наш взгляд, самых ярких фигур в истории отечественной геологии.

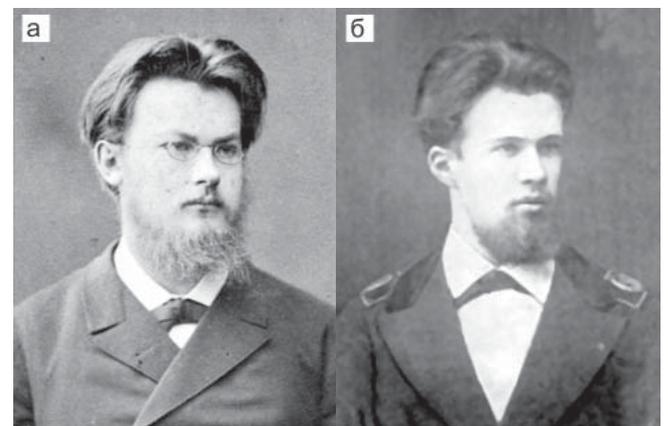
Детские и юношеские годы обоих Владимиров складывались вполне обычно для мальчиков из семей мелкопоместного служилого образованного дворянства. Разница была лишь в том, что Вернадский окончил петербургскую гимназию (рис. 1, а) и имел возможность поступить в университет, а у Обручева по воле отца был аттестат реального училища (см. рис. 1, б), которого для университета было недостаточно.

В связи с детскими годами имеет смысл упомянуть о людях, которые, по-видимому, оказали существенное влияние на формирование личностей будущих ученых. Для Вернадского таким человеком был двоюродный дядя Евграф Максимович Короленко – полтавский философ-самоучка с весьма прогрессивными взглядами. С Обручевым же случай совсем особый. Здесь имеет место семейная легенда, ставшая общественным достоянием вследствие еще одного события 1863 г.: публикации в журнале «Современник» романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Дело в том, что прототипами главных героев романа (в чем признавался и сам автор) были родные дядя и тетя двухлетнего Володи (для домашних – Ади) – Мария Александровна (в романе – Вера Павловна) и Владимир Александрович (в романе – Рахметов) Обручевы. Определенный этап из биографии М. А. Обручевой воспроизведен в романе практически буквально; стоит

только заметить, что впоследствии она стала первой в России женщиной-врачом, а ее реальным вторым мужем (в романе – Кирсанов) был великий русский физиолог И. М. Сеченов. Супруги Сеченовы часто наезжали в тверское имение деда будущего академика – Клепенино (где, собственно, он и родился), и когда их приезд совпадал с Адиными каникулами у бабушки, они имели возможность общаться. А это были самые либерально и прогрессивно мыслящие люди в России, «шестидесятники» XIX в., друзья Чернышевского. Дядя Владимир даже оставил военную службу ради того, чтобы стать соратником писателя и по журналу «Современник», и по тайному обществу «Великорусс», за что тоже загремел на каторгу, правда, не на столь долгий срок. В студенческие годы Обручев снова будет иметь возможность общаться с ними (дядей и тетей) в Санкт-Петербурге, но эти встречи будут нечастыми. Это общение, да и вообще вся история дяди-каторжника не могли не оказать влияния на мировоззрение племянника.

«Развилка» при выборе места образования определила различие в путях, которыми наши герои пришли к известности и славе. Университетская стезя прямым курсом привела Вернадского в науку. Обручев же, прежде чем стать доктором наук и академиком, прошел (в буквальном смысле) сотни километров по разным землям и странам, собрав на своих стопах следы пород многих эпох и формаций.

Вернадский учился на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета (рис. 2, а) и имел возможность слушать лекции выдающихся ученых того времени (Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова, А. Н. Бекетова и др.) по широкому кругу вопросов естествознания. Особенно тесным и плодотворным стало его общение с В. В. Докучаевым (рис. 3, а), основателем современного почвоведения. Почва – это среда, где, говоря современным языком, формируется биогеоценоз на молекулярном уровне.

Рис. 2. Студенты знаменитых вузов: Владимир Вернадский – Императорский Московский университет (а) и Владимир Обручев – Санкт-Петербургский Горный институт (б)

Дипломной специализацией Вернадского стала минералогия, а мысли уже витали в направлении, приведшем к созданию основ геохимии, а затем и биогеохимии.

Обручев с детства мечтал о путешествиях, и выбор Горного института был вполне осознанным (см. рис. 2, б). Но занятия на первых двух курсах его разочаровали: перспектива стать горным инженером на каком-нибудь заводе или прииске увлекательной не казалась. И только на третьем курсе лекции И. В. Мушкетова (см. рис. 3, б) по истории геологии по-настоящему заинтересовали Владимира Обручева. Заметив этот интерес, профессор Мушкетов взял под свою опеку его и Карла Богдановича. По сути дела, это предопределило всю дальнейшую профессиональную биографию обоих студентов.

Владимир Вернадский с головой окунулся в шумную и активную (и в научном, и в общественном плане) университетскую среду. Образовался тесный студенческий круг единомышленников, из которого вышли впоследствии известные академики, государственные и общественные деятели (братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, Д. И. Шаховской, А. А. Корнилов, И. М. Гревс и др.) Разделяемый всеми высоконравственный морально-этический кодекс вскоре объединил их в своеобразное «братство». А в студенческом научном обществе СПбУ Вернадскому приходилось тесно контактировать с одним из его основателей – Александром Ульяновым.

Студент Владимир Обручев тоже был занят не только постижением наук и ремесел, но его тянуло в сторону не общественной, а литературной деятельности. Первые пробы пера Обручева-писателя относятся как раз к этому периоду.

Вернадского после получения диплома отцы-профессора оставляют при университете и вскоре направляют в двухлетнюю зарубежную командировку – знакомиться с состоянием европейской научной мысли в области геологии и естествознания в целом. Он побывал в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и Англии, познакомился с такими знаменитостями, как Пауль Грот и Эдуард Зюсс и даже принял участие в IV Международном геологическом конгрессе в 1888 г. в Лондоне. Великие физические открытия конца XIX в. (Дж. Томпсон – электрон, В. Рентген – X-лучи, А. Беккерель – радиоактивность) еще не состоялись, и внимание молодого ученого было целиком сосредоточено на мире кристаллов и минералов. По этим вопросам Вернадский писал и публиковал в иностранных журналах статьи, составлял и издавал курсы университетских лекций, защитил магистерскую (1891) и докторскую (1897) диссертации. С 1890 г. он, по приглашению профессора А. П. Павлова, начал преподавать минералогия в Московском университете, и его работа там продлится двадцать с лишним лет (рис. 4, а).

Рис. 3. Учителя и наставники будущих академиков, ушедшие из жизни почти одновременно: а – Василий Васильевич Докучаев (1846–1903); б – Иван Владимирович Мушкетов (1850–1902)

Владимир Обручев после окончания Горного института направляется совсем в другую сторону и совсем в другом качестве: как геолог, причем не только по существу работы, но и по должности – штатный (единственный) сотрудник Геологического комитета в Иркутской области. Наряду с канцелярской рутинной и консультированием владельцев золотых приисков (в том числе печально знаменитых Ленских) и собственные полевые изыскания. Восточная Сибирь в то время – места глухие, малообжитые и почти девственные в смысле геологического (да и географического) изучения. Обручев тщательно собирает и каталогизирует все доступные материалы на эту тему. Пишет он пока не научные статьи, а полевые дневники и отчеты. В гостях у него проездом из Петербурга на Колыму побывает И. Д. Черский, который уже давно не ссыльный, а уважаемый сотрудник Русского географического общества (РГО). Неожиданно 28-летний начинающий геолог получает письмо от самого Эдуарда Зюсса с просьбой поделиться сведениями о геологии этого края (не иначе, Мушкетов «сосватал»). Обручев в ответ переводит на немецкий и посылает знаменитому европейскому авторитету одну из научных записок Черского об исследованиях в Селенгинской Даурии, добавляя от себя, что это и есть надежные сведения из первых рук, тогда как сам он еще не накопил достаточно материала для обобщений. С тех пор их переписка не прерывалась до самой кончины Э. Зюсса в 1914 г.

1892 г. стал переломным в биографии В. А. Обручева. Судьбоносным событием стала телеграмма за подписью Великого князя Николая Михайловича, почетного президента РГО (вполне вероятно, опять с подачи И. В. Мушкетова). Молодому геологу предлагалось срочно присоединиться к центрально-азиатской экспедиции Г. Н. Потанина в качестве геолога, причем не влиться в состав его группы, а следовать своим отдельным маршрутом, для чего сформировать собственный полевой отряд.

Рис. 4. Любимые профессора студентов геологических специальностей: Владимир Иванович Вернадский – Московский Императорский университет (а) и Владимир Афанасьевич Обручев – Томский технологический институт (б)

Этот поход 1892–1894 гг., проведенный Обручевым со всей ответственностью и научной тщательностью, полный опасностей, трудностей и приключений, сделал его знаменитым – и как географа, и как геолога. После публикации нескольких отчетов в «Известиях РГО» и нескольких публичных докладов его замечают на правительственном уровне и в 1895 г. награждают орденом св. Владимира IV степени.

Впрочем, менять что-либо в привычном образе жизни и работы Обручев пока не собирался. В 1895 г. ему было предложено возглавить Забайкальскую изыскательскую партию Геолкома в зоне строительства Транссиба. И он, неравнодушный к красотам сибирской природы и загадкам ее геологии, согласился. Именно там и тогда сформировались его взгляды на геологическое строение всего Прибайкалья и Восточных Саян, основанные на контракционной теории Эли де Бомона и Зюсса. Тезис о якобы находящемся там «древнем теменем Азии», высказанный Зюссом, Обручев будет защищать почти до конца жизни, пока под давлением фактов не вынужден будет все же признать его несостоятельность.

Еще три года, проведенные в Сибири, были для Обручева временем активного общения с коллегами по профессии и прочей сибирской интеллигенцией, среди которой было много политических ссыльных. Произошло личное знакомство с Г. Н. Потаниным. В горнопромышленных кругах укрепился авторитет Владимира Афанасьевича как эксперта по золотоискательским делам. В общем, в Петербург в 1898 г. вернулся возмужавший 35-летний уверенный в себе специалист. И тут на него посыпались почести: в 1898–1900 гг. В. А. Обручев получил несколько престижных премий – им. П. А. Чихачева от Парижской академии, им. Н. М. Пржевальского и золотую Константиновскую медаль от РГО. Можно без преувеличения утверждать, что в этот период путешественник Владимир Обручев в научном сообществе России стал не менее, а воз-

можно, и более известным, чем профессор МГУ Владимир Вернадский.

Теперь и Обручеву представилась возможность зарубежных командировок по линии РГО, он побывал в Вене, где познакомился наконец с Зюссом. Письма письмами, а личное общение – совсем другое. Личность Зюсса произвела на Обручева сильнейшее впечатление. Через много лет он напишет о нем и о его главном труде «Лик Земли» большую книгу. Стал Обручев бывать и на международных научных конгрессах: в 1899 г. в Берлине на VII Географическом, а в 1900 г. – в Париже на IV Геологическом. Словом, круги общения В. И. Вернадского и В. А. Обручева стали очень тесно пересекаться, и не случайно, что именно на конгрессе в Париже они встретились.

1901–1917

К началу этого периода оба исследователя уже определились с приоритетами своих чисто научных интересов. Для Вернадского – это геология на самом детальном уровне: минералы, их химический состав, формы и условия существования химических элементов в земной коре (а позднее – и в «живом веществе»). Для Обручева – это Сибирь с ее мощными горными системами, «древним теменем Азии», золоторудными богатствами и вечной мерзлотой. Вместе с тем они обладали широкой геологической эрудицией, следили за мировой научной литературой. Эрудиция, увлеченность предметом плюс владение словом – это качества высококлассного преподавателя. Вернадский уже занимался этим с 1891 г., причем на самом высоком уровне – в старейшем университете России, и о его лекциях отзывались с восторгом не только студенты.

Обручеву же только предстояло испытать себя на подобном поприще. Он совсем не стремился к этому, собирался снова поехать начальником партии на Лену для геологической съемки бассейна реки Бодайбо, но сменить род занятий его уговорили все тот же И. В. Мушкетов и директор недавно открывшегося Томского технологического института Е. Л. Зубашев. Завлекли тем, что в летние месяцы полевыми исследованиями Владимир Афанасьевич сможет заниматься по собственным планам, привлекая в помощь студентов. Необходимость же подготовки квалифицированных геологических кадров для Сибири Обручев и сам прекрасно понимал.

Владимир Афанасьевич с энтузиазмом взялся за организацию горного отделения в новом институте. Для назначения Обручева на профессорскую должность требовалась докторская степень, которой у геолога не было. Потребовалась резолюция императора на прошение министра просвещения о «назначении состоящего при Главном Горном Управлении, горного инженера, Надворного Советника Обручева исправляющим обязанность ординарного профессора по кафедре

геологии... с 1 июля 1901 г.» (цит. по [4]). Обручев, как и Вернадский, оказался преподавателем «милостью Божией», даже больше чем преподавателем – педагогом, положившим начало школе сибирских геологоразведчиков (см. рис. 4, б).

В общем, в первое десятилетие XX в. герои нашего очерка во время учебных семестров занимались одним и тем же делом – читали лекции, а в летние месяцы – каждый своим: Владимир Иванович ездил по границам, знакомясь с новыми достижениями европейской научной мысли, а Владимир Афанасьевич совершал походы по неизвестным еще ему районам Сибири, иногда прихватывая с собой студентов (рис. 5). Уточним – этим они занимались как геологи, потому что были и другие дела и заботы.

Рис. 5. Красноярские Столбы. Профессор ТТИ В. А. Обручев демонстрирует студентам навыки скалолазания (1911 г.)

Для Вернадского общественная, а потом и политическая деятельность была привычным занятием чуть ли не со студенческого возраста. Он еще в 1885 г. стал по наследству владельцем поместья Вернадовка в Тамбовской губернии и с 1901 г. состоял там в гласных губернского земского собрания. О его деяниях в этом качестве на Тамбовщине вспоминают с большим пиететом.

В общественной жизни России назревали события 1905–1907 гг. Образованная либеральная столичная интеллигенция пытается создать соответствующую политическую партию. Вернадский – активный участник всех организационных собраний будущих конституционных демократов (кадетов) с самого первого в 1903 г., еще нелегального. Политическая активность Вернадского продлится до самого октября 1917 г.,

он будет постоянным членом ЦК партии кадетов, дважды членом Государственного совета Российской империи (и в этом статусе будет представлен императору), товарищем (то есть заместителем) министра Временного правительства. Описание этого аспекта биографии Владимира Ивановича выходит за рамки статьи, интересующихся можем отослать к книге [1], где он рассмотрен подробно.

В Томске события протекали не столь бурно, как в столицах, но после «Манифеста» 17 октября ячейка кадетской партии была организована и там. Первым ее председателем стал именно В. А. Обручев. Мало того, ему представилась возможность проявить себя еще и как литератора. Известная дореволюционная томская газета «Сибирская жизнь» в 1906 г. выходила под названием «Сибирская мысль» и находилась целиком под влиянием профессоров-кадетов, а Обручев одно время был одним из соредкторов. Сам он печатал там антиправительственные сатирические фельетоны и «сказочки» явно агитационно-предвыборного характера под псевдонимом «Ш. Ерш». Придуманно, надо сказать, неплохо: тут тебе и «ерш», и «шерш», то есть «ищи-свищи» по-французски, и шершавость русская. Разумеется, долго скрываться под псевдонимом автору не удалось.

Окончился этот период для обоих профессоров почти одновременно и одинаково: Обручеву в 1912 г. в категорической форме предложили уволиться из ТТИ, а Вернадский годом раньше ушел сам вместе с группой профессоров в знак протеста на политические гонения в МГУ.

Борьба за либеральные ценности, приверженцами которых были оба профессора, в те годы (1905–1907) к особым успехам не привела. На профессиональном фронте прогресс был гораздо значительнее. Обручев совершил еще несколько основательных экспедиций из Томска, в том числе на Алтай и в китайскую Джунгарию. Кстати, и геологическую съемку бассейна реки Бодайбо по заданию Геолкома выполнил. Богатейший материал по геологии Сибири и Центральной Азии был собран, концепция тектоники этих областей постепенно выкристаллизовывалась в его уме. Пора было переходить от походов к кабинетному анализу и обобщению материалов. Тем более что после увольнения из ТТИ Владимир Афанасьевич уже не состоял ни на какой государственной службе, став «свободным художником» и поселившись с семьей в Москве.

Из научных вояжей Вернадского следует особо отметить поездки в Дублин в 1908 г. на съезд Британской ассоциации ученых (членом которой он состоял с 1891 г.) и в Париж – в Институт радия к мадам Кюри, первооткрывательнице этого самого радиоактивного из известных тогда химических элементов. Европейская наука поражала все более удивительными открытиями. О радиоактивности вообще и о радии в частности писали

все газеты мира, и не только научные. В Дублине же на Вернадского наибольшее впечатление произвел доклад Джона Джоли о том, что, по его расчетам, энергия радиоактивности может обеспечивать поддержание внутренних областей Земли в расплавленном состоянии. А Владимир Иванович предположил, что эта же энергия ответственна и за синтез минералов из химических элементов. Геохимия как нарождающаяся новая самостоятельная ветвь геологии получала надежную термодинамическую основу. Примерно в это же время Вернадский познакомился с работой американского ученого Френка Кларка о количественных оценках рассеяния химических элементов в горных породах (позже один из первых учеников Вернадского А. Е. Ферсман назовет числа, подсчитанные Кларком, кларками, и этот термин закрепится в науке).

Все, что нового узнает Вернадский с «переднего края» науки, он тут же озвучивает публично. Теперь у него для этого больше возможностей. С 1906 г. по инициативе академиков Ф. Н. Чернышева и А. П. Карпинского он избран членом-адъюнктом по минералогии Санкт-Петербургской академии наук. В декабре 1909 г. на съезде естествоиспытателей Вернадский делает доклад «Парагенезис химических элементов в земной коре» – считается, что с этого события начинается история отечественной геохимии. А в декабре 1910 г. в годовичном общем собрании Академии наук он произносит речь «Задача дня в области радия». Теперь уже всем известно, что с этого началась история советской атомной бомбы (впервые на русском языке прозвучали соединенные вместе слова «атом» и «энергия»).

Став в 1912 г. «полным» академиком и уйдя из университета, Владимир Иванович полностью переключился на организацию исследований в этих двух взаимосвязанных направлениях – геохимия и радий. В поисках радиоактивных руд он в том же году, как заправский полевик, принял личное участие в экспедициях в Среднюю Азию (рис. 6), Закавказье и на Урал, а вернувшись – основал первую радиохимическую лабораторию. Она помещалась в арендованной квартире в Биржевом переулке – бывшей мастерской художника Архипа Куинджи – и была оборудована в значительной степени на средства самого академика. Но денег требовалось больше, и Вернадский, в попытках заинтересовать перспективами еще не существующей атомной энергетики крупных российских промышленников, организовал в 1913 г. встречу с ними на квартире московского миллионера П. П. Рябушинского. На этой встрече присутствовал и В. А. Обручев [3]. На средства Рябушинского в 1914 г. были организованы две экспедиции в Фергану и Забайкалье. Во второй из них опять лично участвовал Вернадский, но начавшаяся Первая мировая война не позволила реализовать все намеченные планы.

Рис. 6. В. И. Вернадский и К. А. Ненадкевич во время радиевой экспедиции в Ферганскую долину (1912 г.)

Война многое меняет в жизни и взглядах людей, и ученые не исключение. При любом отношении к политике правительства желание быть полезным стране вполне понятно. Академик Вернадский в 1915 г. выступил с инициативой создания Комиссии по изучению естественных сил России (КЕПС). Предполагалось, что Комиссия должна заняться инвентаризацией, систематизацией и количественной оценкой всех природных ресурсов России. Инициатива была поддержана сначала Академией наук, а затем и правительством. Председателем комиссии был выбран В. И. Вернадский, а секретарем – А. Е. Ферсман. В ее работе приняли участие многие видные ученые (в частности, В. А. Обручев) и организации страны, в том числе Геолком. В отличие от Обручева, Вернадский никогда не состоял в штате этой организации, но с 1909 г. был членом Присутствия (так тогда назывался Ученый совет Геолкома). По согласованию председателя КЕПС и директора Геолкома К. И. Богдановича том «Полезные ископаемые России» был подготовлен именно сотрудниками Комитета [7].

Принимал участие в работе КЕПС и еще один ровесник Вернадского и Обручева – знаменитый ученый-кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов (1863–1945). Достоин нашего внимания один эпизод на заседании Комиссии, о котором в своих воспоминаниях рассказывает сам Алексей Николаевич [6]:

«Председательствовал А. Е. Ферсман, ученый секретарь комиссии, пока профессор. Член Горного совета тайный советник Богданович делал доклад „О месторождениях вольфрама“, который есть в Туркестане и на Алтае. Для изучения туркестанских руд надо снарядить туда экспедицию, испросив на нее 500 руб. Про вольфрам же на Алтае он промолчал.

– Кому угодно высказаться по поводу доклада Карла Ивановича? – спросил Ферсман.

Я попросил слова:

– Насчет туркестанских рудников дело обстоит весьма просто – вот 500 руб., – и, вынуд

бумажку с портретом Петра, передаю ее Ферману. – С Алтаем дело сложнее. К. И. не указал, что рудники находятся на землях великих князей Владимировичей. Вольфрам – это быстрорежущая сталь, т. е. более чем удвоение выделки шрапнелей. Если где уместна реквизиция или экспроприация, то именно здесь: не будет шрапнелей – это, значит, проигрыш войны, а тогда не только Владимировичи, но и вся династия к чертовой матери полетит».

Как известно, так оно и вышло. А созданная Вернадским КЕПС просуществовала под этим именем до 1939 г.

Что касается Обручева, то он участвовал в работе КЕПС не только как ученый, но и как публицист, печатая в различных журналах статьи на злободневные «военные» темы: «Роль геологии на театре военных действий», «Роль геологии в развитии производительных сил России», «Что делается у нас и что можно еще сделать для изучения ископаемых богатств России» [6]. Вообще, его деятельность в эти военные годы, вплоть до октября 1917 г., была разнообразна и иногда посвящена вполне мирным темам: например, поискам минеральных источников для крымских курортов. Он сотрудничал с институтом Lithogaea (Литогеа), первым в России частным геологическим научным учреждением, основанным в 1910 г. в Москве В. В. Аршиновым, учеником Вернадского, на средства своего отца, купца первой гильдии. Здесь работал средний сын Обручева Сергей, известный в будущем геолог и путешественник. А Владимир Афанасьевич, кроме всего прочего, редактировал издаваемый Lithogaea журнал «Рудный вестник».

Ну и наконец, в 1914 г. Обручев начал работу над своим первым научно-фантастическим романом «Плутония». Двигало им желание направить давнюю тягу к литературному труду в русло популяризации геологических знаний.

К событиям 1917 г., изменившим ход российской истории, герои нашего повествования, каждый своим путем, пришли к вполне устоявшемуся положению в науке и жизни и имели более или менее ясные планы на будущее. Но вдруг все разом рухнуло.

1918–1921

Советская власть объявила конституционных демократов «партией врагов революции» в одном из первых же своих декретов. Вернадский, один из кадетских лидеров, счел за благо покинуть Петроград и уехать куда подальше. Чтобы это не выглядело как явное бегство, была оформлена официальная командировка от Академии наук «на юг» для лечения и научной работы над «живым веществом». «Командировка» затянулась на три с лишним года. Сначала Вернадский обосновался в тихой Полтаве, где имел возможность пообщаться с троюродным родственником

В. Г. Короленко. Затем больше года жил в Киеве, где за это время несколько раз сменилась власть: немцы, гетман Скоропадский, Петлюра, Советы, Добровольческая армия Деникина – никаких вопросов к академику ни у кого не возникло. Зато он успел здесь создать Академию наук Украины, президентом (головой) которой был избран, а также украинскую КЕПС. Но в ноябре 1919 г. решил вместе с войсками Деникина двинуться в Ростов и далее на юг. Кроме нежелания снова встретиться с большевиками, чья армия снова подходила к городу, у Вернадского был дополнительный стимул добраться до Крыма – там уже находилась его семья: жена Наталья Егоровна, сын Георгий и дочь Нина. В январе 1920 г. Владимир Иванович парохомом из Новороссийска приплыл в Ялту.

Подробные сведения обо всех передвижениях, действиях, настроениях и, что важно, впечатлениях о творившемся вокруг, содержатся в дневниках Вернадского этого периода [2].

О том, как в Крыму в 1918 г. оказался В. А. Обручев, опубликованных документальных сведений нет. Источники советского периода дружно повторяют, что он как работник ВСНХ был направлен (когда – не указывается) в командировку в Донбасс для поиска цементного сырья, но из-за сложной обстановки не смог вовремя вернуться в Москву и осенью 1918 г. оказался в Харькове. В Харьковском университете ему присвоили степень доктора наук без защиты диссертации, а уже оттуда Обручев направился в Крым, где была возможность стать преподавателем. Такая версия вызывает много вопросов. По сведениям более позднего источника [8], должность профессора кафедры геологии в только что открывшемся Таврическом университете в Симферополе ему была предложена Советом Киевского университета еще раньше – в июле 1918 г. Похоже, что вояж Владимира Афанасьевича в Крым носил целенаправленный, а не спонтанный характер. Это означает, что командировка Обручева тоже могла быть «липовой». «Кадетом» он все же был, да и «буржуй» в глазах пролетариата тоже. А командировку, причем фиктивную, мог обеспечить руководитель Горного отдела Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ) Николай Михайлович Федоровский – геолог, ученик Вернадского и Аршинова и одновременно – влиятельный большевик с дореволюционным стажем, потому что посылать заслуженного, немолодого уже человека в Донбасс с реальным геолого-разведочным заданием в первой половине 1918 г. было бы крайне странно: там всюду шли бои между войсками немецкими и новой российской власти.

Так или иначе, но и Вернадский, и Обручев (с семьями!) к началу 1919 г. оказались в Крыму, где в это время власть принадлежала так называемому Правительству юга России (а фактически главнокомандующим белыми войсками сначала А. И. Деникину, а затем П. Н. Врангелю), поч-

ти все министры которого – друзья или коллеги Вернадского по партии конституционных демократов.

Для Владимира Ивановича многочисленные переезды, как правило, в антисанитарных условиях, не прошли даром: по приезду он заболел тифом. И во время болезни испытал состояние, оставившее глубочайший след в его душе. С одной стороны он был в тифозной горячке, с другой – в полном сознании и ясном уме. Поскольку он непрерывно размышлял над проблемой «живого вещества», то ему и привиделась во всех подробностях вся его будущая жизнь, связанная с работой над этой темой. Согласно его собственному рассказу, записанному позже, он уехал сначала в Англию, потом в Америку, приобрел там громкое научное имя, в результате чего получил возможность построить в США громадный Институт живого вещества на средства специально созданного фонда и привлечь в число его сотрудников крупнейших ученых мира. Он также издал несколько выдающихся трудов по этой проблеме, сделавших его всемирно знаменитым. Все друзья, коллеги и родные присутствовали в этом не то сне, не то видении, но были и незнакомые лица, например, женщина, с которой у Вернадского случился бурный роман и даже появился ребенок, в то время как настоящая семья осталась в России и приезжала к нему в гости. День за днем он со всеми эмоциями и размышлениями проживал эту странную виртуальную жизнь до самого ее конца, который должен был произойти где-то в возрасте 83–85 лет.

Стоит, наверное, пояснить – что же это за проблема такая, все больше завладевавшая умом ученого примерно с 1916 г. «Живое вещество» по Вернадскому – это, конечно же биосфера (так назвал ее в свое время не кто иной, как Э. Зюсс), но не как структурированное множество организмов и видов в линнеевском смысле, а как особая форма существования материи на основе тех же химических элементов, что и минеральное царство, но живущих и взаимодействующих там по совершенно другим законам. Этой форме он приписывал космический статус, то есть вечность и «всюдность».

Поместье, где болел и выздоравливал Вернадский, называлось «Горная Щель» и принадлежало родственникам знаменитого анархиста Михаила Бакунина. Место было благодатное, но особо любоваться красотами природы не приходилось – жизнь дорожала, следовало думать не только о высокой науке, но и о хлебе насущном. Поэтому предложение от Таврического университета занять место профессора на кафедре геологии, на той же самой, где уже больше года читал лекции по физической геологии Владимир Обручев, оказалось как нельзя кстати. В апреле 1920 г. Вернадские переехали из Ялты в Симферополь.

Преподавательский состав Таврического университета 1918–1920 г. богат на имена, известные в научном мире уже тогда, и еще более – на знаменитые в будущем. Достаточно назвать физиков А. Ф. Иоффе, Я. И. Френкеля, И. Е. Тамма, биолога А. А. Любищева, геологов Д. И. Щербакова, В. И. Лучицкого, филолога А. К. Гудзия, историка Б. Д. Грекова. Раньше отца здесь начал преподавать историю сын Вернадского Георгий. А на физическом отделении учился И. Курчатов.

Вернадский и Обручев полностью отдаются работе. Владимир Иванович читает курсы минералогии и геохимии, оборудует кабинеты и, разумеется, организует крымскую КЕПС. Обручев, помимо чтения лекций, является куратором Ялтинского естественно-исторического музея, они с Вернадским вдвоем хлопочут перед самим Врангелем о том, чтобы у музея не отнимали помещение.

Между тем общественная атмосфера в Крыму полна тревожных настроений и противоречивых слухов. Приход большевиков многими воспринимается как самое вероятное развитие событий на фронте. Надо думать о будущем. Из дневника Вернадского: «17.IV.1920. Начинается новый период жизни. Как долго и куда приведет? Цель ясна: Лондон и Америка, но когда достигну? Видел на днях сына Обручева, у В. А. тоже мысль через Геогр[афическое] Лонд[онское] общ[ество]. М[ожет] б[ы]ть, будем договариваться совместно».

О чем идет речь? Дело в том, что и Вернадский, и Обручев являлись членами различных научных обществ Великобритании и в этом качестве могли, как им казалось, рассчитывать на их помощь в плане выезда из России. Вернадский, действительно, вступил в переписку с секретарем Британской ассоциации исследователей относительно возможности трудоустройства в Англии. Но английские коллеги насчет работы обещаний не давали, а вот место на военном линкоре гарантировали твердо, но и то за свой счет. Антанта в это время решила не обострять отношений с советским правительством и помощь антибольшевистским силам оказывала очень дозированно.

Об отношении В. А. Обручева к новой власти в то время сказать что-либо определенное трудно – нет свидетельств. Зато дневник В. И. Вернадского позволяет судить об этом вполне уверенно. Владимир Иванович не ждал от большевиков ничего хорошего, их изначальные тезисы, а тем более методы их реализации никак не сочетались с морально-этическими принципами «приютинского братства». Но вместе с тем он понимал, что это единственная на данный момент организованная сила, способная удержать власть и начать устанавливать свои порядки. Недееспособность руководства Добровольческой армии он видел совершенно отчетливо. Все шло к тому, что Россию придется покинуть – на время,

естественно, как бы в командировку, об окончательной эмиграции думать не хотелось. Главное основание (оправдание?) для отъезда: возможность спокойно заниматься научным трудом сейчас могла представиться только за границей.

Событием, которое обозначило склонение чаши весов в другую сторону, стала смерть основателя и ректора университета Р. И. Гельвига. Почти единогласно на эту должность был избран академик В. И. Вернадский. До прихода Красной армии оставалось чуть больше месяца, но ученые об этом, конечно, знать не могли. Академик, к большому огорчению домашних, дал свое согласие и с энтузиазмом взялся за дело. Власть может меняться, но наука должна существовать, Университет должен работать.

Когда началась отъездная суматоха, Вернадский счел своим долгом съездить с дочерью в Севастополь, где поблагодарил капитана английского корабля за предложение и отказался. Избрание ректором решило для Владимира Ивановича вопрос – ему вручены судьба университета и сотен людей, он не может их бросить. Сын Георгий с благословения отца уехал.

Красные вошли в Симферополь 15 ноября 1920 г. С ноября по февраль, то есть до отъезда – борьба Вернадского за сохранение университета, окончившаяся, естественно, поражением, то есть снятием его с должности и реорганизацией университета. Новая власть с недоверием относилась к профессорам и студентам, подозревала, что среди последних скрывается много вчерашних белогвардейцев, тем более что так оно и было – ректор шел на это совершенно осознанно. Но террор еще не развернулся в полной мере. Из Москвы стали поступать указания о необходимости обеспечить безопасность того или иного ученого, врача и т. п. Поэтому вопрос о том, что делать с нелояльной интеллигенцией был решен довольно неожиданно: выслать их всех в Москву, пусть там разбираются, кто нужный, а кто ненужный.

О Вернадском и Обручеве речь шла персонально. Обручев в Москве был заочно избран профессором недавно созданной Н. М. Федоровским Московской горной академии. Для Вернадского нарком здравоохранения Н. Семашко (выпускник МГУ) распорядился прицепить к санитарному поезду специальный «профессорский» вагон.

Поскольку желания московских и местных властей совпали, а у «отъезжантов» особого выбора не было, 23 февраля 1920 г. из Симферополя тронулся санитарный поезд, уносивший ученых под бдительным присмотром (но не под конвоем!) чекиста Табашникова в новую для них столицу Советской России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аксенов, Г. П.** Вернадский [Текст] / Г. П. Аксенов. – М. : Молодая гвардия, 2010. – (Сер. ЖЗЛ).
2. **Вернадский, В. И.** Дневники 1917–1921. Т. 1–2 [Текст] / В. И. Вернадский. – Киев : Наукова думка, 1994, 1997.
3. **Домаренко, В. А.** Очерки по истории изучения радиоактивности и становления урановой геологии в Центральной Сибири. Очерк первый. Истоки [Текст] / В. А. Домаренко, Л. П. Рихванов // Изв. ТПИ. – 2007. – Т. 311, № 1. – С. 146–150.
4. **Друянов, В. А.** Рыцарь факта [Текст] / В. А. Друянов. – М. : Знание, 1984. – С. 98–99.
5. **Ингирев, З.** Творческий путь В. А. Обручева [Текст] / З. Ингирев. – М. ; Л. : Госгеолиздат, 1948. – С. 29.
6. **Крылов, А. Н.** Мои воспоминания [Текст] / А. Н. Крылов ; сост. : Н. И. Барбашев, С. А. Шерр. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 366 с.
7. **Лапо, А. В.** В. И. Вернадский и Геолком – ЦНИГРИ – ВСЕГЕИ [Текст] / А. В. Лапо // Региональная геология и металлогения. – 2013. – № 55. – С. 111–120.
8. **Примечание 1** к письму В. И. Вернадского В. А. Обручеву 22.10.1942 [Электронный ресурс]. – Точка доступа <http://histans.com/LiberUA/978-966-02-6600-1/2.pdf>.